

И. Свирилова

ПЕСЕННЫЕ ТРАДИЦИИ ДОНА В ПУБЛИКАЦИЯХ ЛИСТОПАДОВА

А. Листопадов — собиратель и исследователь песен донских казаков — занимает видное место среди выдающихся фольклористов первой половины XX века. Его фундаментальный пятитомный труд «Песни донских казаков»¹ впервые познакомил музыколов с записями многоголосных казачьих песен. К сожалению, фоновалики с записями этих песен не сохранились, и желание восстановить их звучание не раз побуждало фольклористов совершать повторные поездки по «листопадовским» местам. С подобной целью в 30-е годы туда ездил А. Митрофанов², а в 1966 году в те же места Кабинетом народной музыки Московской консерватории была организована экспедиция, в которой участвовала автор настоящей статьи и студентка теоретико-композиторского факультета Т. Баранова.

Основным пунктом нашего «обследования» стал город Белая Калитва (бывшая станица Усть-Белокалитvensкая) на Донце. В этом районе в 900-х годах Листопадов записал большинство песен свадебного обряда. Во вступлении к пятому тому «Песен донских казаков» собиратель пишет: «Запись обрядовой части произведена... в станице Екатерининской на Донце, к которой относится и большая часть (207 из 296) вошедших в нее (обрядовую часть.— И. С.) песен. Остальные 89 записаны с 1902 по 1911 год в других станицах: ближайших (Усть-Белокалитвенская ... и Ермаковская) и более отдаленных — по Хопру, ... Медведице и по течению Дона, среднему и нижнему».

Исходя из относительного количества тех и других,казалось бы, может быть, более последовательным свадьбу нашу именовать Донецкой или даже Екатерининской...»³. К сожалению, Листопадов не всегда указывал место записи каждого отдельного номера. Однако можно предположить, что станица Усть-Белокалитвенская, расположенная по соседству с Екатерининской, имела с последней один и тот же песенный репертуар, одну и ту же исполнительскую традицию. В настоящее время большая часть коренного населения бывшей Екатерининской станицы (ныне Красно-Донецк) переселилась в Белую Калитву в связи со строительством на их «насажденном» месте предприятий каменноугольной промышленности.

¹ А. М. Листопадов. Песни донских казаков. Музгиз, т. I, ч. 1, 1942; т. I, ч. 2, 1949; т. II, 1950; т. III, 1951; т. IV, 1953; т. V, 1954.

² Материалы, собранные им, хранятся в фонограмархиве Литературного музея Ленинграда.

³ А. Листопадов. Цит. изд., т. V, с. 35.

Для сравнения записей, сделанных участниками экспедиции, с теми, что принадлежат Листопадову, были выбраны свадебные песни.

Выбор этот не случаен. Именно данный жанр, связанный с определенным ритуалом, незыблемым в своей основе, наиболее устойчив и в своих художественных компонентах, и в исполнительской традиции, менее других подвержен изменениям, вызванным временем, сменой эпохи. Однако совсем не учитывать неизбежных изменений, возникающих в процессе эволюции любого жанра нельзя. У Листопадова были широкие возможности выбора певцов, выбора варианта, сверки записей и дополнений. В наше же время традиции прошлого хранятся народом как реликвии: забыты многие «живые» детали, в памяти остались, главным образом, «узловые моменты». Словом, отстоялось самое существенное, самое яркое, самое запоминающееся.

Певицы Белой Калитвы, славящиеся в народе знанием свадебных песен и высоким исполнительским мастерством, помнили почти все свадебные песни, опубликованные Листопадовым, что сразу же доказало репрезентативность зафиксированного им репертуара. Большая часть спетых нам образцов относилась к свадебному ритуалу, исполняемому «до венца». Этот ритуал более специфичен и устойчив, нежели ритуал свадебного пира, во время которого часто звучат и обычные вечерочно-плясовые напевы.

Таким образом, песни, записанные и Листопадовым и участниками экспедиции, принадлежат к одному и тому же моменту свадебного обряда. Образное содержание их поэтических текстов совпадает, равно как и форма поэтической строфы:

Ой, что в тебе, да-й Настюшка,
Плечики накрыты
Уранд-рано, уранд мое
Плечики накрыты!

(Листопадов, т. V, № 10)

Ой, что в тебе, да Настюшка
Плечики застлаты.
Люли, люли-лелюшеньки
Плечики застлаты.

(Кабинет МГК, № 941-7)

Цепную форму строфы не нарушает замена припевного двустишия повторением двух строчек куплета:

Ай, молодость, молодость,
Дёвичия красота,
Ой лй, ой, да люль
Девичия красота,
Дёвичия красота,
Молодецкая сухота,
Ой лй, ой, да люль
Молодецкая сухота!

(Листопадов, т. I, № 32)

Ай молодость, молодость
Девичья красота,
Да-й девичья красота,
Да-й ребячья сухота.
Ай девичья красота,
Да-й ребячья сухота.
Я не думала, мала
Да измыкать, износить
(Кабинет МГК, № 940-9)

Сравнение сюжетов песен дало обильный материал для наблюдений над разнообразными «превращениями» в художественной памяти и фантазии народа. В ряде случаев сюжеты и даже тексты сохранились полностью, почти без изменений, если не считать варьирования отдельных слов или строчек. Примерами поразительного тождества могут служить песни: «Мимо куста ракитова» и «Бел заюшка». Попадались и настолько близкие варианты одного и того же сюжета (например, в песне «Мы у свата бывали»), что можно было предположить их одновременное существование у разных певческих групп:

Мы у свата бывали, да, бывали,
Мы сватушку видали, да видали,
Наш сватушка бел-кудряв, да,
бел-кудряв, —
Он кудрями потрясёт, да потрясёт,
По рюмочке поднесёт, да поднесёт!
(Листопадов, т. V, № 115)

Мы у свата бывали, бывали
Мы сватушку видали, видали,
Наш сватушка богатый, богатый
Хлеба, соли довольно, довольно,
Наш сватушка угостил, угостил⁴
(Кабинет МГК, № 941-4)

Приведенный текст — это часто встречающийся в свадебном репертуаре тип песни-формулы, где точно сохраняются лишь первые две-три строчки, дающие направление всей песне. Далее исполнители более или менее свободно фантазируют в традиционной манере.

Некоторые тексты в записях Листопадова содержат большее число строф, нежели в записях 1966 года («Виноград на веточке», «Гудут гусли»), но они подчас лишены внутренней цельности, их увеличенный объем объясняется наличием текстовых дополнений, относящихся к частным случаям. Так, в песне «Гудут гусли» последние строки, согласно ремарке Листопадова, представляют собой обращение невесты к своей сестре. Она и определяет, по-видимому, частный случай предназначенностя данного текста.

Если сравнить песню «Настина маменька» в записи 1966 года и в записи Листопадова, то последняя выглядит как фрагмент ускользнувшего от исследователя полного текста:

⁴ Тексты даны без припевных слов.

1. Танина⁵ маменька,
2. Танина родная,
3. Затеплила свечку,
4. Туда-сюда клетку
5. Ой, Танюшки нету.
6. Бояре узяли,
7. Крымцу передали.
8. На первой повозке
9. Сидит кучеряный,
Кучер кучеряный
10. Держи вожжи ровно,
11. Сяки конев больно,
12. Чтоб резко бежали
13. И я не слыхала,
Чтоб я не слыхала
14. Как маменька плачет,
Как родная плачет.
15. Светы наша Танеюшка,
Светы наша Борисовна
16. Водилася с нами;
17. Теперь отъезжая,
18. Она спокидает.

(Кабинет МГК, № 2366-6)

1. Да и Настина маменька,
2. Да и Настина родная,
3. Да затеплила свечку
4. Да сама пошла в клетку;
5. Да туда-сюда гляну, —
6. Золот венок виснет,
7. Моей Настюшки нету:
8. Татары узяли,
9. Боярам отдали,
10. Крымцам передали;
11. Крымцы-Иличевцы⁶
12. Узяли, покрыли,
13. У плен посадили.

(Листопадов, т. V, № 225)

Сравниваемые тексты имеют общий сюжет и даже отдельные тождественные строчки (1—1, 2—2, 3—3, 4—4, 7—5, 10—7), содержат традиционные образы бояр и крымцев, умыкающих невесту. Под крымцами, возможно, подразумеваются крымские татары, которые в те времена воспринимались как враждебная сила. («Татары» присутствуют в варианте Листопадова). В обоих текстах сюжет развивается одинаково. Сначала мать обнаруживает отсутствие дочери, затем оплакивает ее. Структура текстов тоже общая: все строчки, кроме двух первых и последней, повторяются трижды. Текст Листопадова более ясный, четкий, логичный, нежели тот, что был зафиксирован участниками экспедиции. Последний представляет собой необработанную полевую запись, с массой литературных «шероховатостей», смысловых

⁵ Певицы заменили имя Насти на имя Тани в честь участницы экспедиции студентки Тани Б. Обычно же в данный текст подставляется имя невесты.

⁶ «Иличевцы» — казаки хутора Ильчова, в котором записана песня.

неясностей («Туда-сюда клетку»), некоторых повторов строк (9, 13, 14). Певцы исполняли песню без репетиции, в быстром темпе и потому подчас не успевали вспомнить нужное слово. Однако новый текст — более развернутый: восемнадцать строчек вместо тринадцати.

Любопытный образец — песня «Ай, молодость, молодость, девичья красота», широко распространенная по всей России и как свадебная, и как посиделовщина или карагодная, а то и просто протяжная. Во всех жанровых вариантах в первых восьми — десяти строках господствует настроение сожаления, тоски. А дальше развитие идет в самых разных направлениях: от воспоминаний о сладкой жизни в отчим доме до веселой пляски с неожиданными текстовыми контаминациями и крутymi сюжетными поворотами.

七

Сличая напевы песен, имеющих аналогичный поэтический текст, можно выяснить, как он музыкально осмысливается певцами, какого типа мелодии они избирают. Но в рамках данной статьи мы ограничимся выяснением вопроса, в каком виде сохранились мелодии песен, записанных Листопадовым. Что в них изменилось? Что осталось нетронутым?

Обычно песенные мелодии бытуют во многих вариантах, более разнообразных, нежели поэтические тексты. К тому же мелодия, идущая «от души», всегда более чутко отражает вкус исполнителя, его настроение, а, стало быть, она более гибка и податлива к корректировке. Случайно выпавшая из памяти певцов деталь текста вспоминается всеми, иногда в азартном споре. Небольшое же отклонение от напева во время хорового исполнения редко кого смущает. Все на ходу «подстраиваются» под ведущего.

При анализе музыкального материала мы не обнаружили полного тождества. Можно говорить лишь о сходстве направления мелодии, ее контуров, темпа исполнения. Замечу попутно, что даже в песнях одного села, одного времени такое тождество (особенно в хоровом варианте) явление чрезвычайно редкое.

Во всех сличаемых песнях со сходными текстами выдержано одно и то же соотношение долгих и коротких долей. При общем метрическом строе стиха напевы могут оформляться различными ритмическими формулами. Однако соотношение «слогонот», суммирующих ритмический костяк распева, у них единое.

БЕЛ ЗАЮШКА

Единой осталась и форма мелодического развития: чередование интонационных оборотов, вопросо-ответных построений, мелодических фраз, каденций. Например, в сравниваемых вариантах записи «Настинка маменька» выдержан единый принцип соотношения музыки и текста.

Ритмическая форма всей строфы выглядит следующим образом:

Нетрудно заметить здесь «зеркальную отраженность» формулы б от формулы а. В быстром темпе чередование таких ритмических группировок создает эффект водоворота, тормозящего и одновременно подстегивающего движение.

Родственность мелодических оборотов и полифонических приемов развития можно наблюдать на любых двух сравниваемых песнях:

ЗАП. ЛИСТОПАДОВА „ВИНОГРАД НА ВЕТОЧКЕ“ (с 4го танка) 7

На ве- точ- ке, в я- го- да, в я- го- да на та- ре- лоч- ке

НОВАЯ ЗАПИСЬ (конец 2го такта)

На ве-точ-ко, а в го-да, а я го-да Е-мо-лю-шка.

Единство звукоряда связывает оба варианта скрытыми, но крепкими узами общности.

Результат сравнения вариантов песен, записанных с промежутком более чем в полвека, не только подтверждает устойчивость фольклорных форм и традиций, бытующих на Дону, но и дает возможность убедиться, что записи Листопадова передают самые существенные, глубинные элементы местного стиля, чутко подмеченные и зафиксированные собирателем.

⁷ Запись Листопадова дается в транспозиции на малую терцию вверх.

РУДУТ СУСЛИКИ